©ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 № 21, 2013

Владимир Мацкевич

Практический разум нашего времени

Разбирая и анализируя современную интеллектуальную ситуацию Беларуси, я буду исходить из ряда тезисов.

1. Будь то чистый, будь то практический разум, и тот и другой заняты выявлением сущностей вещей, но по-разному.

Чистый разум выявляет универсальное в понятии или в разумении: что есть вещь сама в себе, или что она есть для нас, для субъекта. Поэтому чистый разум так или иначе метафизичен. За физикой (природой) вещей=объектов он пытается усмотреть большее – метафизику вещей=объектов. То, чем не является единичная вещь=объект, а то, что есть общее у всех одноименных вещей=объектов, но не принадлежит ни одной отдельной вещи=объекту, а лишь обнаруживает себя в каждом отдельном случае. Наука стремится к воплощению идеала чистого разума, освобождая знание от всего единичного и случайного, отличающего каждую единичную вещь от любой другой.

Практический разум выявляет сущность вещей в их единичных воплощениях, стремясь к тому, чтобы каждая единичная вещь отличалась от одноименных других большим соответствием общему. Но не метафизическому общему, которое мыслится, а служебному общему, которое не принадлежит самой вещи, но существует *в нашем отношении к вещам.* Это отношение, примешиваемое к сущности вещи, в практическом разуме и отличает его от чистого разума. Инженерия, в отличие от науки, стремится к воплощению идеала практического разума, отличая одну вещь от другой по отношению к пользователю и потребителю. Не отвергая выявленной наукой сущности вещей, инженерия считает одни вещи лучшими воплотителями сущностей, чем другие, преобразует худшие вещи в лучшие.

2. Стремясь к воплощению идеала практического разума, инженерия не может достичь своего идеала, если опирается на науку с ее методом познания вещей. Наука, реализуя реалистическую установку, уходит от вещей, превращая их в объекты познания, а сами объекты берет в виде предметов, не отделяя в познании прознанное как оно есть от прознанного строго определенным методом. Научное познание объемлет методом вещь (объятая вещь и есть объект) и строит предметный или дисциплинированный (дисциплина как ПРАВИЛЬНЫЙ разум, правильное мышление) мир. Мир, состоящий из онаученных предметов. Инженерия улучшает этот предметный мир под нужды человека. Но, улучшая предметный мир, инженерия отталкивает-

ся не от сущности вещей, от потребностей, целей и ценностей людей.

Тем самым инженерия действует не в предметном мире, но в мире отношений вещей и людей, объектов и людей, предметов и людей. Самим своим существованием инженерия влияет на науку, стимулируя последнюю к мультипликации предметов, к созданию новых научных дисциплин, которые распространяют ПРАВИЛЬНОЕ научное мышление, чистый разум на вещи неявные, ранее не попадавшие в сферу научного познания. В том числе инженерия стимулирует возникновение гуманитарных наук или распространяет научный метод на гуманитарные явления, ранее исключенные из научного познания, поскольку представляют собой не воплощение сущностей, а отступление от них, не общее, а случайное.

Наука же, распространяя свой метод на случайное и особенное, придает предмету своего нового интереса объектное содержание, объективирует и даже овеществляет то, что не является ни объектом, ни вещью. Наука привносит метафизику в человеческие отношения. Метафизирует все, чего касается, поскольку не может иначе. Поскольку таковы идеалы чистого разума. Инженерия следует в этом за наукой, не считаясь с тем, что сама же простимулировала науку к этому первоначально.

Поэтому действительный практический разум не должен заниматься тем, чем занят чистый разум – вещами и объектами, но отношениями между вещами, объектами, продолжением объектов в субъекте, но и между субъектами.

3. Маркс прозорливо отметил уход практического разума от объекта и объект-субъектных отношений в своих тезисах о Фейербахе. В полушаге от этого находился Фихте, который понимал, что практический разум воплощается не в науке, а в наукоучении, т.е. не в обращенности разума на объект, а в обращенности на отношении разума к объекту – в обращенности на предмет. Но ни Фихте, ни Марксу не удалось довести свои интуиции и прозорливость до конца, им не хватало средств и инструментов работы с системами, которые не есть объекты или вещи. Научный предмет сам по себе не есть объект или вещь, но система. Он изначально понимался как система, но описывался в старых категориях системы как система знаний или система наук о..., о чем-то, на чем сосредоточено внимание. Внимание, которое включено в саму систему, но обращено, направлено не на самое себя, а вовне, на объект.

4. Практический разум роднит с инженерией установка на улучшение. Но сама установка практического разума требует совсем иной интенциональности. Следует не только и не столько улучшать вещи, объекты, но подвергать критике само отношение "лучше–хуже". А также всю систему элементов, на которых это отношение может быть задано. Сами вещи ни хороши, ни плохи, их таковыми даже не делают, а просто считают люди. Значит, система, как то, на что направлен интерес практического разума, включает в себя и вещь, и человека, и то новое систем-

ное качество, которое возникает в связи человека с вещью.

5. Практический разум воплощен в старых типах деятельности: педагогике, политике и др. Но в большей степени он востребован в экологии и в подходе Аурелио Печчеи (1985).[1] Экология сохраняет инженерное отношение к природе, но выходит за рамки этого отношения и включает в него отношение человека к природе и самого человека. Но такое расширение рамок не до конца отрефлектировано в самой экологии. А подход Аурелио Печчеи не стал до настоящего времени основанием для пересмотра экологической парадигмы.

6. "Критика критической критики". Если рассмотреть критику Канта как систему, состоящую из трех элементов-книг: "Критика чистого разума", "Критика практического разума", "Критика способности суждения", то приходится признать, что интерпретация связей и отношений между этими тремя элементами критики на протяжении двух с половиной столетий была однобокой и "некритичной". Главной в триаде всегда признавалась критика чистого разума. А отношения в триаде понимались как последовательное разворачивание от главного и принципиального к второстепенному и факультативному. Но если, не обращая внимания на хронологическую последовательность написания книг, главной признать критику практического разума, а критику чистого разума только как пропедевтику к главному, то система становится принципиально иной. Обнаружение и фиксация в практическом разуме нравственной составляющей в корне отличает структуру (дисциплину) практического разума от структуры чистого разума, а саму практику принципиально отличает от науки. Почти до конца XX века наука претендовала на то, чтобы объять своим методом и подходом все сферы человеческой деятельности, включая практику. Самые практические области онаучивались или обнаучивались. Педагогика объявлялась наукой, инженерия выделялась в особую науку, политика (коммунизм, во всяком случае) выдавалась за науку (научный коммунизм). Возникающие в XX веке системы управленческого знания (менеджмент), художественного конструирования (дизайн) и, наконец, экологии, все это строилось как научные предметы, по лекалам, нормам и эталонам чистого разума. Критика такой интерпретации системы кантовской критики звучала давно, но до сих пор не оказывала влияния на систему образования и трансляции культуры и воспроизводства деятельности.

Современные университеты (и все образования в целом) не могут опи-

[1] Осознавая пределы экономического роста и технологического прогресса, а также экологические угрозы, принимая все это как вызов всему человечеству, Аурелио Печчеи (и созданный им Римский клуб) предполагал и предлагал активный ответ на этот вызов – изменение не только экономических стратегий, технократической идеологии, но и человеческих качеств, т.е. фактически то, что мы называем гуманитарными технологиями.

раться на доминирующую дисциплинарность чистого разума, но на парадигматику практического разума.

7. Одна из самых последовательных попыток повернуть образование к практике предпринималась в философии прагматизма и инструментализма, наиболее ярко это проявилось в деятельности Джона Дьюи. Но ни Чикагский университет, ни метод проектов в педагогике не порывали с научным подходом и дисциплинарностью чистого разума. Методология в XIX и XX веках еще не эмансипировалась от науки и инженерии, поэтому попытки прагматизма были непоследовательными и противоречивыми. Они ограничивались переинтерпретацией научных предметов через проектное отношение, но с сохранением ценностных, мировоззренческих и "практических" онтологий науки. Учащихся и студентов учили видеть сущности вещей, учили объектам и предметам, вводили в предметный мир.

Задача и миссия образования в современном университете состоит не в обучении объектам природы и научным предметам, а в формировании систем деятельности. Систем, состоящих из: 1) объектов природы, превращенных в предметы деятельности; 2) человека (людей), на которых собираются средства, методы, инструменты и know how деятельности и человеческих качеств; 3) отношения человека к объектам и предметам деятельности, прагматических и познавательных установок.

Современный Университет не учит людей-студентов, а собирает в самом себе новые подсистемы деятельности и выпускает их в мир, тем самым меняя этот мир. То есть реализует практическую установку.

Литература

1. Печчеи, Аурелио (1985). *Человеческие качества.* Москва: Прогресс.